

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ГОЛОВАЧЕВА

аспирант Отделения русского языка Школы базовой инженерной подготовки

Национальный исследовательский Томский политехнический университет (Томск, Российская Федерация)

eagolovacheva@tpu.ru

ОЛЬГА ВИКТОРОВНА СЕДЕЛЬНИКОВА

доктор филологических наук, профессор Отделения русского языка Школы базовой инженерной подготовки

Национальный исследовательский Томский политехнический университет (Томск, Российская Федерация)

sedelnikovaov@tpu.ru

КОНЦЕПТ «СЕМЬЯ» В СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЕ И ПОЭТИКЕ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»*

Исследуются функции концепта «семья» в организации смысловой структуры и поэтики романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Рассмотрены эпизоды произведения, в которых концепт объективируется посредством лексем, входящих в ядро его номинативного поля, и расширяющих его авторских элементов. Выявляются признаки концепта «семья», как относящиеся к традиционным для русской языковой картины мира (*единство, милосердие, порядочность*), так и индивидуально-авторские. Изучая пореформенное состояние городов, Достоевский сосредоточивает внимание на нравственных и социальных аспектах семейных отношений, поэтому значительную роль в обогащении аксиологического содержания концепта играют признаки *болезнь, бедность, разрушение, несчастье, рабство, смерть*. Их актуализация позволяет писателю изобразить трагедию распада русской семьи и масштаб данной тенденции. Дифференциация и параллельная актуализация в художественном целом романа нескольких взаимоисключающих признаков свидетельствует о решаемой автором задаче изображения не только кризисных явлений в русском обществе, но и поиска путей их преодоления. Делается вывод о том, что концепт «семья» принадлежит к числу наиболее важных смыслообразующих концептов романа «Преступление и наказание» и проявляет себя на важнейших уровнях поэтики (жанр, композиция, сюжет, система персонажей).

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Преступление и наказание», художественная картина мира, русская языковая картина мира, художественный концепт, концепт «семья», поэтика

Для цитирования: Головачева Е. А., Седельникова О. В. Концепт «семья» в смысловой структуре и поэтике романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 3. С. 8–18. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.459

ВВЕДЕНИЕ

Роману Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» посвящено значительное количество исследований¹. Безусловный интерес вызывает изучение особенностей картины мира и способов ее организации в наследии писателя [4], [7], [22], в том числе исследование элементов концептосферы указанного романа², но один из основных концептов произведения – «семья» – не становился предметом изучения.

Для изучения художественной картины мира «Преступления и наказания» важным является выделение системы образующих ее базовых концептов³: они выступают в качестве доминант смысловой структуры текста⁴, определя-

ющих особенности авторского варианта картины русского мира⁵ в рамках изучаемого произведения, обеспечивают единство сюжетных линий, организуют композицию произведения, выстраивают систему образов [7: 127, 141]. Результаты многолетнего опыта изучения и комментирования романа указывают на то, что в основе его художественной картины мира лежат православные идеи [16], организующие его аксиологически-сложную архитектуру [14: 342], [26: 13], [29: 132, 182, 191]. Основу замысла формирует идея спасения души, нравственного восстановления и «воскресения» к новой жизни, утверждение животворной природы православия [5: 31–32], [9: 400–403], [16], [26: 43–47]. Сюжетообразующую функцию выполняют концепты

«преступление» и «наказание», формирующие проблемное поле: их взаимосвязанная актуализация позволяет показать глубину кризиса, постигшего современное общество, выявить его причины, наметить пути выхода из него [13]. История создания романа свидетельствует о тесной взаимосвязи концептуального поля «преступление / наказание» с концептом «семья», который формирует определенный смысловой пласт произведения, проявляя себя при воссоздании деталей картины современной русской жизни и осмысления положения человека в ней⁶. В современном литературоведении рассмотрению темы семьи в творчестве Достоевского и в «Преступлении и наказании» посвящены многочисленные исследования⁷. Предпринимаемое в настоящей статье обращение к способам объективации КС⁸ позволит поставить вопрос об их функции в поэтике романа и уточнить научные представления о проблеме семьи в оформлении аксиологии фона данного произведения.

ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТА «СЕМЬЯ» В РОМАНЕ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»: ОТ СЛОВА К ПОЭТИКЕ

На особое значение КС в смысловой структуре романа указывает, во-первых, история создания произведения: на этапе формирования замысла Достоевский обдумывал повесть «Пьяненькие» как историю отдельных семейств пореформенной России с описанием картин воспитания детей в атмосфере разрушения традиционных православных ценностей⁹ [15: 4], [17], [26: 12–15], [29: 137–138]. Во-вторых, истории семейств становятся фоном для изображения пути Раскольникова, звеном, связующим «внутреннюю драму главного героя и его идею»¹⁰ [2: 191]. Образы семей вносят важные штрихи в картину кризисного состояния пореформенного российского общества [29: 15]. Для русской национальной картины мира (и любой патриархальной культуры) семья является важнейшим концептом [25: 694–699], тесно связанным с православными ценностями. Результаты исследований, посвященных изучению КС в РЯКМ¹¹, свидетельствуют о том, что ядро номинативного поля на языковом уровне составляют морфологические формы лексемы *семья* и ее дериваты *семьянин*, *семейство*, *семейственность*, а также слова, обозначающие степень родства (*отец*, *мать*, *дети*)¹². В РЯКМ КС обладает положительными эмотивно-оценочными коннотациями, его главным признаком является *родовое единство*¹³, которое с приходом христианства дополняется *единством духовным*¹⁴, *любовью*

и *самопожертвованием*. КС включает ценностные компоненты, акцентированные признаками *взаимопомощь*, *участие*, *милосердие*, *забота*, *порядочность*, *миропорядок*, *гармония*¹⁵.

Ядро номинативного поля КС в исследуемом романе составляет традиционный для русского языкового сознания набор лексических единиц: *семья* (7), *семейство* (15), *семьянин* (1), *семейный* (4), *родственник* (8), *родственница* (9), *родственный* (5), *родные* (9), *родной* (8), *родительский* (1), *родитель* (4), *мать* (142), *сестра* (105), *сестрин* (2), *сестрица* (26), *отец* (6), *дети* (100), *детский* (19), *детство* (6), *мачеха* (3), *брак* (29) [3] (рис. 1, 2).

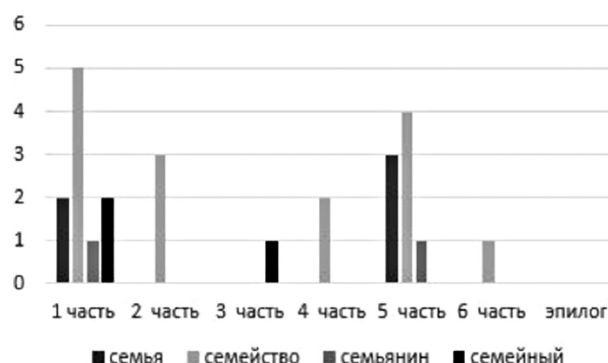

Рис. 1. Распределение ядерной лексики КС и ее дериватов по частям романа

Figure 1. Distribution of nuclear lexemes and derivatives of the concept of family (CF) by parts of the novel

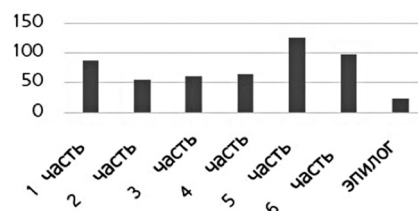

Рис. 2. Распределение элементов номинативного поля КС по частям романа

Figure 2. Distribution of the CF nominative field elements by parts of the novel

Обращение к количественным показателям частотности использования единиц, принадлежащих номинативному полю КС, свидетельствует о том, что они последовательно реализованы в тексте, наиболее активны в 1-й и 5–6-й частях романа, представляющих экспозицию и развязку сюжетного действия. Этот факт заставляет обратить внимание на композиционную функцию КС.

Рассматривая разрушение православных основ национального бытия, Достоевский вносит существенные коррективы в особенности вербализации КС в РЯКМ: он вводит в ближнюю

периферию номинативного поля комплекс негативных признаков. За их счет происходит расширение аксиологического потенциала КС в романе и поддержание трагического напряжения сюжета. Важнейшим среди авторских признаков становится *болезнь*. Разнообразие его вариантов позволяет подчеркнуть всеобъемлющую деградацию социума через разрушение семьи как традиционной основы патриархальных отношений:

физическая болезнь (болезнь, больной, болезненный, жар, красные пятна на щеках, чахоточное, иссохшие губы, кашляла), психическая болезнь (сумасшедшей, полусумасшедшая, помешательство, бред), социальная болезнь (пьянство, пьяный, пил, штоф, барки).

В силу масштаба разрушения семейных ценностей особенно тщательно разрабатывается признак *разрушение* с субпризнаками:

духовный распад (безобразный, развращенный вид), отсутствие любви (если б она пожалела меня, несправедливая, крики, попреки, упреки, ненавижу), утрата ответственности (бросила детей, слишком доверялся развратным людям, бог знает с кем он не пил, ничем не должен быть обязан), одиночество / вынужденный уход (некуда было идти, не могла остаться, не могу выносить, сгонит, отказались, сироты), презрение к традициям (другое устройство общества, завожу коммуны, не хочет жить среди предрассудков), неверность (приглянуть на сенных девушек, отдалась, любовница).

Авторские характеристики жизни различных семей, встречающиеся в тексте, формируют также следующие признаки:

несчастье (несчастье, несчастного, отчаяние, горе), рабство (в полном рабстве), физическое насилие (высечет, побои, прибить), жертвенность (жертвует, жертвы, терпевшая, работавшая день и ночь, восходить на Голгофу, вечная Сонечка, себя продать), бедность (бедное, беднейшее, забедневшее, голодных, голод, доведенное до нищеты), смерть (отходил, умер, уездили клячу, надорвалась).

Дальнюю периферию в романе образуют традиционные для РЯКМ положительные признаки КС, обладающие семантикой родственного духовного единения:

ценность (ценил), единство (мы, вместе, все, лоно, одной дорогой), порядочность (благородны(ое), почтенное, уважавший, уважал), любовь / милосердие (добрый, любивший).

Они служат для изображения идеальной модели семьи в представлениях героев (Мармеладова, Пульхерии Александровны, Родиона Раскольникова, Катерины Ивановны).

Масштабное осмысление КС получает уже в первой части романа, где детально проработаны важнейшие для авторской концепции негативные признаки. Все герои получают

здесь характеристику через отношение к семье. Признак *разрушение* явственно обозначен в экспозиции к истории Раскольникова. Он вводится благодаря образу блудного сына, актуализированному впервые в эпизоде закладывания подаренных Родиону часов покойного отца, что свидетельствует не только о крайней финансовой нужде героя. Поступок подчеркивает желание избавиться от предмета, который напоминает о семье и традиционных ценностях. Эпизод глубоко символичен: часы являются воплощением мирового времени, но в мире, поклоняющемся золотому тельцу, время становится товаром. Бессознательный страх перед скоротечностью человеческого бытия подталкивает героя к богоборчеству и мессианскому преступлению с целью возрождения времени бедных [36: 11–45]. В этом поступке наблюдается проявление своеволия и гордыни, которые мешают Раскольникову отказаться от своей идеи и ведут к трагедии.

Наиболее ярко КС актуализирован в сцене в трактире: Раскольников узнает о судьбе семьи Мармеладовых, столкнувшейся с губительной окружающей действительностью и переживающей духовный и физический кризис. В процессе разработки образов «случайных семейств» (XXV: 178–179) писатель переосмысливает опыт различных представителей русской и европейской литературы, в том числе О. Бальзака, Р. Н. Стендаля, Ж. Санд, Э. Сю, Г. Флобера, Ч. Диккенса¹⁶ [20: 36], [29: 188], [32], в творчестве которых проблематизируются различные аспекты семейной жизни. Историю семьи Мармеладовых автор воспроизводит, апеллируя к восприятию Раскольникова, суммирует впечатления героя: «*Этот кабак, развращенный вид, пять ночей на сенных барках и штоф, а вместе с тем эта болезненная любовь к жене и семье...*» (VI: 19)¹⁷. Уже в первом эпизоде, характеризующем семью Мармеладовых, актуализируется признак *болезнь* (*болезненная любовь*), который в дальнейшем будет играть важную роль в развертывании трагических событий. Симптоматично, что проявление признака *болезнь* характерно и для сюжетобразующего поля «*преступление и наказание*»: зарождение патологической идеи Раскольникова многократно представлено в качестве проявления *болезненного состояния*. Болезнь социальная выражена пристрастием Мармеладова к выпивке, на это косвенно указывают лексемы: *штоф, кабак, развращенный вид, пил, пропил*. В конечном счете именно болезнь Мармеладова приводит его к духовной и физической гибели, свидетельствует

о потере им ответственности за семью, что влечет и ее разрушение. Важно авторское указание на окружающий Мармеладова топос, заменивший герою дом, теплоту и радость семейных отношений: *сенные барки, кабак, распивочные*. Вместо близких людей Мармеладова окружают посетители трактира, глядящие на него с чувством презрения, смеющиеся, осыпаящие его ругательствами (VI: 19).

Признак *болезнь* проявляется на протяжении всего романного действия, но особую активность приобретет вновь в развязке романа в сценах поминок Мармеладова и смерти его супруги. Так, слова Катерины Ивановны на поминках акцентируют внимание читателя на главном пороке главы семейства – пьянстве:

«Покойник муж, действительно, имел эту слабость, и это всем известно <...> но это был человек добрый и благородный, любивший и уважавший семью свою; одно худо, что по доброте своей слишком доверялся всяким развратным людям и уж бог знает с кем он не пил <...>» (VI: 296).

КС представлен номинативной лексемой *семья*, а также единицей, принадлежащей ближней периферии, – *муж*. Сложный комплекс чувств, включающих и гордыню, и традиционное в культуре положительное отношение к умершим, заставляет ее, находясь в состоянии аффекта, приукрасить образ главы семьи, что маркировано использованием лексемы *слабость*. Это указывает на амбивалентность чувств: благодарность мужу и разочарование в нем, поэтому в реплике присутствуют одновременно несколько противоположных признаков КС. С одной стороны – *утрата ответственности (слишком доверялся развратным людям, бог знает с кем он не пил)*, а с другой – не встречающийся в первой части романа признак *порядочность (добрый, доброте, любивший, благородный, уважавший)*. Антитеза решает задачу изображения разрушенной семьи и характеристики ее главы, который не лишен положительных качеств, но и не способен справиться со своими пороками, что в конечном итоге приводит обоих супругов к гибели. Уже в первой части романа факт разрушения семьи воспринимается даже опустившимися героями в качестве трагедии. Об этом свидетельствует признание Мармеладова в диалоге с Раскольниковым:

«И в продолжение всего того райского дня моей жизни и всего того вечера я и сам в мечтаниях летучих препровождал: и то есть как я это все устрою, и ребятишек одену, и ей (жене. – Е. Г., О. С.) покою дам, и дочь мою единородную от бесчестья в лоно семьи возвращу» (VI: 19).

КС представлен в этом фрагменте последовательно: сначала единицами, входящими в ядро, характеризующими субъектов семейных отношений (*ребятишек, дочь*), а лишь затем номинативной лексемой *семья*. Последовательность репрезентантов отражает шаги Мармеладова по восстановлению семьи и свидетельствует о том, что в его сознании сохранились аксиологические ориентиры. Фраза героя передает и тонкий смысловой оттенок, связанный с испытываемой им внутренней драмой: ответственность перед близкими постоянно осознается Мармеладовым важным качеством главы семьи, но не становится предметом его гордости, а воспринимается как бремя. Описывая планируемые героем действия по воссоединению семьи, автор вводит возвышенную лексику: *райского дня, мечтаниях летучих*, указывая на одну из главных проблем Мармеладова – мечтательность натуры, которая не позволяет ему противостоять давлению окружающего мира и бороться за счастье своей семьи. Поведение героя обусловлено присущими ему психологическими чертами «слабого сердца» [31: 34], которые приводят его к саморазрушению. Словосочетание *ребятишек одену* акцентирует внимание на обнищании семьи Мармеладовых, актуализируя признак *бедность*, который получит последовательную проработку в романе и станет определяющим критерием необходимости и правомерности пролития «крови по совести» для Раскольникова: в условиях крайней нищеты находятся семья Капернаумовых (*беднейшее семейство*), приезжее семейство мещанина (*забедневшее семейство*), упоминаются десятки семейств, которых, как кажется Раскольникову, можно спасти от нищеты за одно, крошечное преступленье (VI: 54). Изображая бедственное положение многих семей, Достоевский решает одну из поставленных в романе задач – показать подлинный масштаб проблемы, истоки которой лежат как в искажении нравственных идеалов субъектами семейных отношений, так и в коренной ненормальности социальных отношений в буржуазной цивилизации.

Во второй части рассматриваемого эпизода проявляется признак *единство*, характерный для РЯКМ. Он актуализирован лексемой *лоно*, обозначающей место, в котором возможно благополучное развитие ребенка и избавление от греха – от бесчестья дочери. Авторский выбор лексической единицы подчеркивает ценность семейного дома для будущего детей, осознанную Достоевским еще в юности (XXV: 172), а также символический характер пространства жизни семьи в романе и в наследии писателя в целом.

Лоно актуализирует патриархальные смыслы кровной связи человека со всеми составляющими семьи, включая дом, и определяет внимание писателя к детальной проработке пространства жизни бедных семейств. Замкнутый, созидающий душевное и физическое здоровье личности мир семейного дома-лона, микрокосма настойчиво заменяется в романе пространством «домов» бедных: нарочито разомкнутых углов или проходных помещений, неспособных защитить, сохранить тепло и домашний уют, границу которых в любой момент могут нарушить чужие. Мечта Мармеладова о восстановлении семьи отражает диалектику творческого метода Достоевского, выступающую одной из важных особенностей мировидения «реалиста в высшем смысле» (XXVII: 65): в одном конкретном образе писатель соединяет представление об идеале и изображение его трагической судьбы в современном мире. Актуализированный в реплике архетип блудного дитя имеет в романе несколько вариантов [11: 77–78] и прослеживается в историях Раскольников, Дуни, Катерины Ивановны, Сони и пьяной девочки, которые изображаются писателем в первой части романа. В сюжетной перспективе никто из этих блудных детей не сможет уже вернуться в отчий дом для воскресения к новой жизни. Разрабатывая субпризнак *уход из семьи*, автор вводит гендерное противопоставление персонажей, акцентирующее внимание на социальном положении женщины. Повторяющиеся элементы историй перечисленных героинь, сконцентрированные в первой части романа, подчеркивают, что в женских судьбах уход из семьи будет являться вынужденной мерой, следствием разрушения патриархальных ценностей и неспособности мужчин достойно выдерживать вызовы буржуазного общества. Мармеладов рассказывает о судьбе Катерины Ивановны, которая пошла замуж за нелюбимого, *ибо некуда было идти, так как родные все отказались* (VI: 16). В истории с пьяной девочкой о вероятности вынужденного разрыва с семьей размышляет Раскольников: «...*мать узнает... Сначала прибьет, а потом высечет, больно и с позором, пожалуй и сгонит...*» (VI: 43). Фрагменты указывают на масштабы разрушения таких важных качеств семейных отношений, как *единство, взаимозависимость и ответственность* за судьбу близких, особенно детей. Нормой семейных отношений становятся побои (*прибьет, высечет*), актуализирующие признак *физическое насилие* (последний акцентирован и в истории Мармеладовых (*вихры мои дерет*)). Не желают ухода из семьи Дуня и Сонечка, но в сложившихся обстоятельствах

они жертвуют собой ради спасения родных. Их поступки вводят в поле романного осмысления КС признак *жертвенность*, который подчеркивает высокое значение семьи для носителей традиционных ценностей.

Через отношение к семье в первой части романа получают характеристику и такие герои произведения, как Алена Ивановна, Лужин, Свидригайлов – все они демонстрируют глубину дегуманизации общества и разрушения равенства и взаимозависимости людей и их замены на индивидуалистические отношения, при которых все строится на подавлении и унижении близких. Из слов студента Раскольников узнает о скверном характере старухи-процентщицы, которую называют *стервой ужасной, злой и капризной*. Он сообщает, что Алена Ивановна является старшей и сводной сестрой Лизаветы, над которой она полностью властвует и, несмотря на полное подчинение младшей сестры, завещает все свое состояние на «вечный помин» (VI: 53) своей души:

«*Лизавета была младшая, сводная (от разных матерей) сестра старухи, и было ей уже тридцать пять лет. Она работала на сестру день и ночь, была в доме вместо кухарки и прачки и, кроме того, шила на продажу, даже полы мыть нанималась, и всё сестре отдавала*» (VI: 53).

Примечательно, что мнение студента полностью совпадает с представлениями Раскольникова о Лизавете: «...*бывшая в полном рабстве у сестры своей, работавшая на нее день и ночь, трепетавшая перед ней и терпевшая от нее даже побои*» (VI: 51). КС передан лексемами, принадлежащими ядру: *сестра, матерей*. Бросается в глаза активность использования негативных индивидуально-авторских признаков концепта *насилие и рабство*. Они акцентируют внимание на ненормальном положении Лизаветы, указывают на деградацию семьи, свидетельствуют об отсутствии общности, любви, сочувствия между сестрами, подавлении, подчинении близкого человека, насилия по отношению к нему. Взаимоотношения сестер носят характер отношений насильника и жертвы, а принятие ими данных ролей свидетельствует о двойной деформации модели семьи.

Важные детали к образу семьи в современной России вносит первая характеристика Лужина: «...*муж ничем не должен быть обязан своей жене, а гораздо лучше, если жена считает мужа за своего благодетеля*» (VI: 51). Автор лаконично передает суть убеждений Лужина как субъекта основанных на индивидуализме и жажде наживы буржуазных отношений, в которых нет представлений о единстве

и взаимозависимости членов семьи. Достоевский не использует объединяющую лексику *семья*, но делает акцент на субъектах семейных отношений, иерархически противопоставляя *мужа* и *жену* и усиливая антитезу отрицанием (*ничем не должен*) и введением лексики *благодетель*, уточняющей статус мужа в современном мире и господство в такой «семье» зависимости и рабства. Текстуальная близость описания семейных представлений Лужина рассказу Мармеладова позволяет заострить внимание читателя на антитезе двух концепций семейных отношений. Картину дополняет история семьи Свидригайлова. В ее описании доминируют признаки *разрушение семьи* и *неверность*. О пренебрежительном отношении главы семьи к институту брака и отрицании им моральных законов свидетельствуют существительное *любовница* (VI: 363), повторяющееся Свидригайловым несколько раз, и выражение *«приглянуть на санных девушек»* (VI: 363). Факт существования «изустного контракта» между Свидригайловым и его супругой вводит в романное осмысление КС упоминание о привычных пороках помещичьих семей: крепостных любовницах, незаконных детях. Достоевский указывает на давние корни болезни случайных семейств, связанной с отрывом образованного слоя русского общества от почвы.

Таким образом, в первой части романа КС получает последовательную проработку. Наиболее ярко актуализируются признаки *болезнь*, *бедность*, *разрушение*, *рабство*, *жестокость*, *физическое насилие*, которые будут повторяться на протяжении всего романа. При этом в сознании потерянных (Мармеладов) им противопоставляется идеал семейной гармонии и *единства*. В развязке романа диалектика сохраняется. Детальная работа со словом и актуализация положительных признаков *порядочность*, *ценность*, *милосердие* / *любовь* (речь Катерины Ивановны о покойном супруге), а также отрицательных (*страх* (*страх*, *страшно*, *со страхом*), *смерть* (*смерть*)), проявленных в развязке романа, уравновешиваются известием о спасении детей и надеждой на появление новых семей, основанных на возрождении православных ценностей.

Система образов, выстроенная в первой части романа, получает далее всестороннюю проработку: семья и семейные отношения составляют важнейший контекст жизни всех персонажей (неслучайно от «всеведущего» автора (VII: 146) узнаем о том, что Порфирий Петрович холост). Работая со словесной тканью, Достоевский уделяет особое внимание настойчивому нагнетанию признаков разрушения подлинных отноше-

ний между людьми. Остановимся на наиболее важных фрагментах, не только повторяющих обозначенные ранее признаки, но дополняющих трагическую картину разрушения семьи. После преступления у Раскольникова возникает желание разорвать с семьей и со всем человечеством. Оно постепенно проявляется в процессе описания поведения героя при встрече с матерью и Дуней (VI: 150). Полное и неожиданное для героя осознание этих новых чувств к близким проявляется позже: *«Мать, сестра, как любил я их! Отчего теперь я их ненавижу? Да, я их ненавижу, физически ненавижу, подле себя не могу выносить...»* (VI: 212). Герой задумывается о том, что изменило его в отношении к любимым людям. Бросается в глаза резкое противопоставление переживаемых чувств по отношению к матери и сестре на фоне памятного читателю острого сострадания и любви к ним, присутствовавших при чтении письма матери. Накал чувств изображен писателем при помощи выразительной антитезы (*как любил – теперь ненавижу*). Троекратный повтор формы глагола *ненавижу* и резюмирующее выражение (*подле себя не могу выносить*) подчеркивают появление нового признака КС – *ненависть*, характеризующего психологическое и физическое состояние героя. Это чувство является первым импульсом, выявляющим противоречащую разуму подсознательную оценку свершившегося, когда все человеческое естество восстает против идеи. На синтаксическом уровне заметен резкий переход от размеренных, логично организованных последовательностью причинно-следственных связей сложноподчиненных предложений, оформляющих доказательства обоснованности и необходимости убийства в речи Раскольникова (после первого разговора с Порфирием), к коротким, эмоциональным, будто рубленым фразам, отражающим первые движения души к осознанию преступления. Актуализация негативных признаков КС, демонстрирующих резкое изменение отношений к любимым близким людям, сострадание к которым отчасти и породило преступную идею, становится важным средством психологического анализа: автор подчеркивает глубину падения героя в нравственную бездну, вызванную рационализмом и дерзким богоборчеством. Далее следует второй сон Раскольникова, в котором он вновь совершает свое преступление уже без трепета, исходя злобой: эпизод является в романе важнейшим указанием на близость героя гибели [26: 264–266].

Изменения, открывающие Раскольникову путь к спасению, происходят под влиянием общения

с Соней. В сцене визита к девушке, предваряющей кульминационный эпизод чтения Евангелия, вновь с особой силой изображается трагедия семьи Мармеладовых (VII: 250). На этом фоне под воздействием сложного комплекса переживаний, вызванных разговором с Соней, осознанием ее трагедии и неожиданной силы жертвенной любви и последующим чтением притчи о воскресении Лазаря, Раскольников впервые переживает новые чувства, которые противостоят индивидуализму, одиночеству и недоверию, распаду семьи. Они обозначены в его реплике: «Пойдем вместе... Я пришел к тебе. Мы вместе прокляты, вместе и пойдем <...> Нам вместе идти одной дорогой» (VI: 252). Неожиданно для себя герой кланяется «всему человеческому страданию», воплощенному для него в образе Сони, и начинает путь к признанию и возможности покаяния: настойчиво проявляется признак *единство*, на это указывают местоимения *мы*, *нам*, трехкратное повторение наречия *вместе* и глагола *пойдем* в четырех разных формах, а также обстоятельство *одной дорогой*. Фраза «*Я пришел к тебе*» акцентирует внимание читателя на попытке героя преодолеть разобщенность с внешним миром. Актуализация признака *единство*, который является основным в РЯКМ, указывает на важный для автора смысловой акцент – потребность единения для обретения возможности «воскресения в новую жизнь» [16], [26: 44–47].

В развязке романа тема семьи вновь выходит на передний план, что проявляется в заметном возрастании использования единиц, принадлежащих ядру номинативного поля КС (см. рис. 1). Сложный путь Раскольникова к признанию вины изображается на фоне последнего акта трагедии Мармеладовых. Дополнительные штрихи к осмыслению судьбы семьи в современном обществе Достоевский вводит размышлениями Лужина о разрыве с Дуней и собственной неадекватной жадности из желания «*их в черном теле попридержать и довести их, чтобы они на меня как на провидение смотрели*» (VI: 277) и словами Лебезятникова, который заводит разговор о «молодых прогрессистах» и коммунах, получивших распространение в пореформенной России:

«Вон у нас обвиняли было Теребьеву (вот что теперь в коммуне), что когда она вышла из семьи и... отдалась, то написала матери и отцу, что не хочет жить среди предрассудков и вступает в гражданский брак, и что будто бы это было слишком грубо, с отцами-то <...> Вон Варенц семь лет с мужем прожила, двух детей бросила, разом отрезала мужу в письме <...> что существует другое устройство общества, посредством коммун. Я недавно всё это узнала от одного ве-

ликодушного человека, которому и отдалась, и вместе с ним завожу коммуну» (VI: 282).

КС объективирован существительными *семья* с глаголом *вышла*, *детей* с глаголом *бросила* и словосочетанием *гражданский брак*: они характеризуют двух жен, демонстрирующих презрительное отношение к долгу перед близкими и ответственности за них. Традиционный образ хранительницы семейного очага подменяется образом разрушительницы, а сам очаг переосмысливается: из символа непреложных ценностей превращается в пережиток старины, требующий уничтожения. На это указывают повторяющийся глагол *отдалась* и существительное *коммуна*, расширяющее авторское осмысление КС, а также глагол *не прощу*. Признак *разрушение* обозначен уходом матери и жены в коммуну – эрзацу семьи в мире ложных ценностей. Контексты актуализируют признаки *утрата ответственности* и *презрение к традициям*, которые возникают по собственной воле жен и матерей. На данных примерах Достоевский демонстрирует распространение новомодных веяний, занимающих место отвергнутых традиционных основ жизни¹⁸. На фоне гибели семьи Мармеладова новый вариант развития семейных отношений акцентирует в развязке эсхатологические мотивы.

КС получает новое авторское осмысление в конце романа: моделируются образы новых семей, которые образуются парами Дуня – Разумихин и Раскольников – Соня. Во фрагментах, характеризующих перспективы будущих семей, заметно нарастает традиционный для КС в РЯКМ признак *единство*, что позволяет Достоевскому изобразить процесс восстановления семейных ценностей, который основывается на внутренних нравственных чувствах героев, воспоминаниях об отчем доме, желании обрести духовное единение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, традиционный для русской национальной картины мира КС является одним из основных смыслообразующих элементов картины мира романа Достоевского «Преступление и наказание». Его ядерные репрезентанты последовательно проявляются в словесной ткани во всех частях произведения. Присутствие большого количества лексем, формирующих ближнюю и дальнюю периферию КС, вносит важные смысловые акценты и существенно дополняет аксиологическое содержание романа за счет обогащения индивидуально-авторскими признаками (*болезнь*,

разрушение семьи, бедность, несчастье, рабство, физическое насилие, утрата ответственности, смерть). Чтобы акцентировать внимание читателя на указанных признаках, писатель использует характерные для его идиостиля приемы (стилистически-маркированная лексика, включение повторов, местоимений, номинирующих КС, синтаксический рисунок фраз). Изменение иерархии признаков по сравнению с РЯКМ, где доминируют положительные начала, воплощает представления Достоевского о трагедии семьи и важнейших причинах деградации патриархальных ценностей. КС реализует важные функции в поэтике романа, обеспечивая композиционную целостность и четкость произведения, сюжетное единство и акцентируя жанровую специфику «Преступления и наказания». В экспозиции посредством историй Мармеладых, Раскольниковых и других семей автор указывает на проблему вырождения института семьи в России. В 5–6-й частях проблема семьи вновь приобретает актуальность, причем признаки *разрушение* и *смерть* соседствуют здесь с *уважением, единством, любовью*. Детали истории семьи Мармеладых и других семей, сконцентрированные в экспозиции и развязке, окружают историю убийцы и описание его сложного пути к признанию, становятся факторами, подталкивающими главного героя к осознанию вины и выбору необходимости покаяния и обеспечивают трагическое звучание сюжета, что, в свою очередь, поддерживает важнейшие элементы поэтики романа-трагедии. Работа со

словом позволяет Достоевскому выявить прямую связь между распадом семейных ценностей и уничтожающим все живое индивидуализмом. К концу романа обнаруживается тенденция к возрождению семейных отношений, что указывает на возможный путь выхода России из кризиса через верность общечеловеческим ценностям, что обеспечивает удивительный эффект финала произведения. История семьи выступает не только фоном, но полноправной сюжетной линией романа, переплетающейся с историей Раскольникова. КС реализуется на уровне действующих лиц: различные типы героев характеризуются сквозь призму их представления о семейных ценностях, которое отражает их этический статус в мире романа, объясняет причины трагедии, выявляет преступность большинства. В завязке и кульминации романа стилевая аранжировка способов объективации КС становится важнейшим элементом психологического анализа, характеризуя Раскольникова и Соню. При этом присутствие в речи персонажей положительных признаков КС и их нарастание в финале романа указывают на возможное воскресение и спасение героев через духовное единение.

Изучение способов объективации КС в романе «Преступление и наказание» выявляет его важную функцию в оформлении картины мира и художественной аксиологии произведения как одной из доминант авторской идеи, которая находит последовательное выражение в словесной ткани текста и организует важнейшие уровни его поэтики.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-512-23008.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Обзор основных из них представлен в следующих работах: [26], [27: 158–161].
- ² В последние годы наблюдается заметный интерес к изучению концептосферы романа «Преступление и наказание». Укажем на отдельные работы, наиболее интересные в контексте настоящего исследования: [1], [12], [13], [19], [21], [23].
- ³ Подробнее об этом см.: [10: 10].
- ⁴ Под смысловой структурой художественного текста в настоящей работе понимается система смыслов, воплощающих основы авторского замысла и организующих художественную картину мира произведения словесного искусства. Системность смысловой организации проявляет себя в словесной ткани текста и реализуется в особенностях поэтики произведения, обеспечивая целостность текста.
- ⁵ Подробнее об этом см.: [25: 43].
- ⁶ Занегина Н. Н. Концепт «семья» в русском литературном языке и принципы его описания: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 254 с.
- ⁷ В связи с обширностью библиографии вопроса укажем лишь на отдельные работы, наиболее важные в контексте настоящего исследования: [6], [8], [11], [18], [24], [28: 19], [30], [33], [34], [35].
- ⁸ Здесь и далее под сокращением КС понимается концепт «семья».
- ⁹ Опульская Л. Д. Комментарий // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинение: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 7. С. 308–309, 315–318.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Здесь и далее под сокращением РЯКМ понимается русская языковая картина мира.
- ¹² Добровольская Е. В. Концептуализация семьи в русской языковой картине мира: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2005. 203 с.

- ¹³ Подробнее об этом см.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 4. М.: Цитадель, 1998. С. 465. Добровольская Е. В. Концептуализация семьи в русской языковой картине мира... С. 54–83. Занеги́на Н. Н. Концепт «семья» в русском литературном языке и принципы его описания: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. С. 26–27.
- ¹⁴ Занеги́на Н. Н. Концепт «семья» в русском литературном языке и принципы его описания... С. 74–84.
- ¹⁵ Там же. С. 74–126.
- ¹⁶ Гроссман Л. П. Поэтика Достоевского. М.: ГАХН, 1925. С. 65–115.
- ¹⁷ Здесь и далее оригинальный текст романа цитируется по изданию: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. В круглых скобках римскими цифрами указывается номер тома, арабскими – номер страницы.
- ¹⁸ Львов К. Проблема личности у Достоевского («Преступление и наказание»). М.: Изд-во Л. Л. Зубалова, 1918. С. 45–48.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азаренко Н. А. Метафора цвета как объективатор концепта *бесовщина* в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 1 (38). С. 10–14.
2. Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. М.: Современник, 1981. 384 с.
3. Андрющенко В. М., Шайкевич А. Я., Ребецкая Н. А. Статистический словарь языка Достоевского. М.: Языки славянской культуры, 2003. 880 с.
4. Арутюнова Н. Д. Символика уединения и единения в текстах Достоевского // Язык и культура: Факты и ценности. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 525–554.
5. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. М.: Советская Россия, 1979. 320 с.
6. Борисова В. В. «Братья и сестры» в романе «Преступление и наказание». Поэтика образов // Достоевский и мировая культура: Альманах. № 27. СПб.: Серебряный век, 2010. С. 169–175.
7. Булгакова Н. О., Седельникова О. В. Концептосфера романа Ф. М. Достоевского «Бесы»: к определению базового концепта и его функции в поэтике романа // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 54. С. 125–146. DOI: 10.17223/19986645/54/8
8. Викторovich В. А. Paideia от Достоевского // Летние чтения в Даровом: Материалы междунар. науч. конф. 27–29 августа 2006 г. / Сост. В. А. Викторovich. Коломна: КГПИ, 2006. С. 6–7.
9. Власкин А. П. Аксиологическая составляющая художественного мира романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский: Философское мышление, взгляд писателя. (Dostoevsky monographs. Вып. 3). СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. С. 400–410.
10. Володина Н. В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения. 2-е изд., стереотип. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. 256 с.
11. Габдуллина В. И. Мотив блудного сына в произведениях Ф. М. Достоевского и И. С. Тургенева: Учебное пособие. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2006. 132 с.
12. Гильманова А. В. Концепты правды и истины в творчестве Ф. М. Достоевского (к вопросу о релевантности междисциплинарных исследований) // Научно-техническая информация. Сер. 2: Информационные процессы и системы, № 1. М.: Всероссийский институт научной и технической информации РАН, 2007. С. 35–42.
13. Головачева Е. А. К вопросу о выделении базовых концептов романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Филологические чтения ЯрГУ им. П. Г. Демидова: Материалы конф. Ярославль, 22–23 мая 2017 г. / Сост. Е. А. Федорова. Ярославль: Ярославский гос. ун-т им. П. Г. Демидова, 2017. С. 25–29.
14. Гроссман Л. П. Достоевский-художник // Творчество Ф. М. Достоевского. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 330–417.
15. Долинин А. С. В творческой лаборатории Достоевского. М.: Гослитиздат, 1947. 348 с.
16. Захаров В. Н. «Православное воззрение»: идеи и идеал // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: Канонические тексты / Под ред. проф. В. Н. Захарова. Т. 7. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. С. 529–544.
17. Карякин Ю. Ф. Миф о «черной магии» Достоевского (черновики к «Преступлению и наказанию») // Русская литература. 1972. № 1. С. 113–125.
18. Касаткина Т. А. Онтология семьи в произведениях Ф. М. Достоевского // Новый мир. 2011. № 10 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://philologist.livejournal.com/1268032.html> (дата обращения 11.09.2019).
19. Кожина М. А. Концепт «преступление» в полидискурсивной структуре романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики: Материалы конф. молодых ученых / Под ред. А. А. Казакова. Вып. 13. Т. 1: Лингвистика. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2012. С. 142–147.
20. Криницын А. Б. Творчество Достоевского в контексте европейской литературы: Учебное пособие по спецкурсу. М.: ООО «МАКС Пресс», 2018. 36 с.
21. Райхлина Е. Л., Лобанова Е. В. Концепт «наказание» в картине мира православного верующего: опыт прочтения романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Сибирский филологический форум. Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2019. С. 4–15.
22. Слово Достоевского 2014. Идиостиль и картина мира: Коллективная монография / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Под общ. ред. Е. А. Осокиной. М.: ЛЕКСРУСК, 2014. 528 с.
23. Смирнов Я. В., Кошечко А. Н. Концепт «жертва» в эго-документах Ф. М. Достоевского периода работы над романом «Преступление и наказание» // Наука и образование: Сборник трудов XX Междунар. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование». Томск, 18–22 апреля 2016 г. / Отв. ред. Н. С. Болотнова, И. И. Бабенко, В. Е. Головчинер и др. Томск: Томский гос. пед. ун-т, 2016. С. 248–252.

24. Стерликова Ю. В. Образ детства в творчестве Ф. М. Достоевского // Духовные и нравственные смыслы отечественного образования на рубеже столетий: Научный сборник. Тольятти: ТГУ, 2002. С. 85–97.
25. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004. 991 с.
26. Тихомиров Б. Н. «Лазарь! Гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского. «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. 472 с.
27. Тихомиров Б. Н. «Преступление и наказание» // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник / Сост. и науч. ред. Г. К. Щенников, Б. Н. Тихомиров. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2008. 470 с.
28. Фокин П. Е. Категория «отцовства» в идейно-художественной системе Ф. М. Достоевского // Три века русской литературы: Актуальные аспекты изучения: Межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 2. / Под ред. О. Ю. Юрьевой. Иркутск, 2003. С. 13–25.
29. Фридлендер Г. М. Реализм Достоевского. Л.: Наука, 1964. 404 с.
30. Фридлендер Г. М. Ф. М. Достоевский и его наследие // Наука в России. 2011. № 6. С. 83–91.
31. Щенников Г. К. Достоевский и русский реализм. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1987. 349 с.
32. Щенников Г. К. Синтез русской и западноевропейской литературных традиций в характерологии Ф. М. Достоевского: Искусство синтеза. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1991. 228 с.
33. Щенников Г. К. Проблема «человек и семья» в размышлениях Ф. М. Достоевского // Человек. Семья. Государство. СПб., 2008. С. 25.
34. Юрьева О. Ю. Тема семьи и семейного воспитания в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского // Литература в школе. 2003. № 8. С. 26–28.
35. Юрьева О. Ю. Образ «русского семейства» в творчестве Ф. М. Достоевского и в русской литературе начала XX века // Достоевский и XX век. М., 2007. Т. 1. С. 536–559.
36. Johnson L. A. The experience of time in *Crime and Punishment*. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1985. 146 p.

Поступила в редакцию 09.01.2020

Ekaterina A. Golovacheva, Postgraduate Student, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation)
eagolovacheva@tpu.ru

Olga V. Sedelnikova, Doctor of Philology, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation)
sedelnikovaov@tpu.ru

THE CONCEPT OF *FAMILY* IN THE MEANING-MAKING STRUCTURE AND POETICS OF FYODOR DOSTOEVSKY'S NOVEL *CRIME AND PUNISHMENT* *

The article deals with the concept of *family* and its function in the poetics of Fyodor Dostoevsky's novel *Crime and Punishment*. The authors analyze the fragments of the novel where this concept of *family* is objectified through lexemes comprising the nucleus of its nominal field as well as through the author's elements which expand this concept. The analysis reveals both individual author's characteristics of the concept of *family* and its attributes traditional for the Russian linguistic picture of the world (*unity, mercy, decency*). Investigating the city environment and living conditions after the reforms, Dostoevsky focuses on the moral and social aspects of family relations, therefore, such attributes as *illness, poverty, destruction, unhappiness, slavery, and disease* play an important role in the enrichment of the concept's axiological content. Actualization of these attributes enables Dostoevsky to portray the tragedy of the Russian family decay and the extent of this tendency. Differentiation and simultaneous actualization of several mutually exclusive attributes in the novel suggest that the author strove to show not only the breakdown of the society but also ways out of the crisis. It can be concluded that the concept of *family* is one of the crucial meaning-making concepts of *Crime and Punishment*, revealed on several important levels of the text poetics (genre, composition, plot, and the system of characters).

Keywords: Fyodor Dostoevsky, *Crime and Punishment*, conceptological analysis, literary picture of the world, Russian linguistic picture of the world, literary concept, concept of *family*, poetics

* The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research as part of the research project No 19-512-23008.

Cite this article as: Golovacheva E. A., Sedelnikova O. V. The concept of *family* in the meaning-making structure and poetics of Fyodor Dostoevsky's novel *Crime and Punishment*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 3. P. 8–18. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.459

REFERENCES

1. Azarenko N. A. The metaphor of color as the agent of objectifying the *devilry* concept in F. M. Dostoevsky's *Crime and Punishment*. *Issues of Cognitive Linguistics*. 2014. No 1 (38). P. 10–14. (In Russ.)
2. Aksakov K. S., Aksakov I. S. Literary criticism. Moscow, 1981. 384 p. (In Russ.)
3. Andryushchenko V. M., Shaykevich A. Ya., Rebetskaya N. A. Statistical dictionary of Dostoevsky's language. Moscow, 2003. 880 p. (In Russ.)

4. Arutyunova N. D. The symbolism of solitude and unity in the texts of Dostoevsky. *Language and culture: Facts and values*. Moscow, 2001. P. 525–554. (In Russ.)
5. Bakhtin M. M. Problems of Dostoevsky's poetics. Moscow, 1979. 320 p. (In Russ.)
6. Borisova V. V. Brothers and sisters in the novel *Crime and Punishment*. Poetics of images. *Dostoevsky and world culture: Almanac*. No 27. St. Petersburg, 2010. P. 169–175. (In Russ.)
7. Bulgakova N. O., Sedelnikova O. V. The sphere of concepts of the novel *Demons* by Fyodor Dostoevsky: on revealing the main concept and its function in the poetics of the book. *Tomsk State University Journal. Philology*. 2018. No 54. P. 125–146. DOI: 10.17223/19986645/54/8 (In Russ.)
8. Viktorovich V. A. Paideia from Dostoevsky. *Summer Readings in Darovoye: Proceedings of the international research conference, August 2–29, 2006*. (V. A. Viktorovich, Comp.). Kolomna, 2006. P. 6–7. (In Russ.)
9. Vlaskin A. P. Axiological component of the artistic world in Fyodor Dostoevsky's novel *Crime and Punishment*. *Dostoevsky: Philosophical thinking, the view of the writer*. (Dostoevsky monographs, Issue 3.) St. Petersburg, 2012. P. 400–410. (In Russ.)
10. Volodina N. V. Concepts, universals, and stereotypes in the field of literary studies. Moscow, 2014. 256 p. (In Russ.)
11. Gabdullina V. I. The motif of the Prodigal Son in the works of F. M. Dostoevsky and I. S. Turgenev: Textbook. Barnaul, 2006. 132 p. (In Russ.)
12. Gilmanova A. V. The concepts of truth and verity in the works of F. M. Dostoevsky (on the relevance of interdisciplinary research). *Scientific and Technical Information. Series 2: Information Processes and Systems*. No 1. Moscow, 2007. P. 35–42. (In Russ.)
13. Golovacheva E. A. On the issue of representation of the basic concepts of the novel *Crime and Punishment* by F. M. Dostoevsky. *Proceedings of Demidov Philological Readings at Yaroslavl State University (May 22–23, 2017)*. Yaroslavl, 2017. P. 25–29. (In Russ.)
14. Grossman L. P. Dostoevsky as an artist. *Works of F. M. Dostoevsky*. Moscow, 1959. P. 330–417. (In Russ.)
15. Dolinin A. S. In the creative laboratory of Dostoevsky. Moscow, 1947. 348 p. (In Russ.)
16. Zakharov V. N. "Orthodox outlook": ideas and ideal. *Dostoevsky F. M. Complete works: Canonical texts*. (V. N. Zakharov, Ed.) Vol. 7. Petrozavodsk, 2007. P. 529–544. (In Russ.)
17. Karyakin Yu. F. The myth of Dostoevsky's "black magic" (drafts for *Crime and Punishment*). *Russian Literature*. 1972. No 1. P. 113–125. (In Russ.)
18. Kasatkina T. A. Ontology of the family in the works of F. M. Dostoevsky. *New World*. 2011. No 10. Available at: <https://philologist.livejournal.com/1268032.html> (accessed 11.09.2019). (In Russ.)
19. Kozhina M. A. The concept of "crime" in the polydiscursive structure of the novel *Crime and Punishment* by F. M. Dostoevsky. *Contemporary issues of literary studies and linguistics: Proceedings of the conference for young researchers*. (A. A. Kazakova, Ed.). Issue 13. Vol. 1: Linguistics. Tomsk, 2012. P. 142–147. (In Russ.)
20. Krinitsyn A. B. The works of Dostoevsky in the context of European literature: Textbook for a study course. Moscow, 2018. 36 p. (In Russ.)
21. Raikhlin E. L., Lobanova E. V. The concept of "punishment" in the world view of an Orthodox believer: the experience of reading the novel of F. M. Dostoevsky *Crime and punishment*. *Siberian Philological Forum*. Krasnoyarsk, 2019. P. 4–15. (In Russ.)
22. The word of Dostoevsky–2014. Idiotype and worldview: Collective monograph. Moscow, 2014. 528 p. (In Russ.)
23. Smirnov Ya. V., Koshechko A. N. The concept of "victim" in the ego-documents by F. M. Dostoevsky in the period of his work on the novel *Crime and Punishment*. *Proceedings of the XX International Conference for Graduate and Postgraduate Students and Young Researchers "Science and Education"*. Tomsk, 2016. P. 248–252. (In Russ.)
24. Sterlikova Yu. V. The image of childhood in the works of F. M. Dostoevsky. *Spiritual and moral meanings of national education at the turn of the century: Collection of articles*. Tolyatti, 2002. P. 85–97. (In Russ.)
25. Stepanov Yu. S. Constants: Dictionary of Russian culture. Moscow, 2004. 991 p. (In Russ.)
26. Tikhomirov B. N. "Lazarus, come out!" The novel *Crime and Punishment* by F. M. Dostoevsky and its contemporary understanding. St. Petersburg, 2005. 472 p. (In Russ.)
27. Tikhomirov B. N. Crime and Punishment. *Dostoevsky: Works, letters, documents: Reference dictionary*. (G. K. Shchennikov, B. N. Tikhomirov, Comp., Eds.). St. Petersburg, 2008. 470 p. (In Russ.)
28. Fokin P. E. The category of "paternity" in the ideological and artistic system of F. M. Dostoevsky. *Three centuries of Russian literature: Current aspects of study: Interuniversity collection of articles*. Issue 2. (O. Yu. Yur'eva, Ed.). Irkutsk, 2003. P. 13–25. (In Russ.)
29. Friedlander G. M. Realism of Dostoevsky. Leningrad, 1964. 404 p. (In Russ.)
30. Friedlander G. M. F. M. Dostoevsky and his heritage. *Science in Russia*. 2011. No 6. P. 83–91. (In Russ.)
31. Shchennikov G. K. Dostoevsky and Russian realism. Sverdlovsk, 1987. 349 p. (In Russ.)
32. Shchennikov G. K. Synthesis of Russian and Western European literary traditions in the characterology of F. M. Dostoevsky: The art of synthesis. Ekaterinburg, 1991. 228 p. (In Russ.)
33. Shchennikov G. K. The problem of "man and family" in the thoughts of F. M. Dostoevsky. *Man. Family. State*. St. Petersburg, 2008. P. 25. (In Russ.)
34. Yur'eva O. Yu. The theme of family and family education in *A Writer's Diary* by F. M. Dostoevsky. *Literature at School*. 2003. No 8. P. 26–28. (In Russ.)
35. Yur'eva O. Yu. The image of the "Russian family" in the works of F. M. Dostoevsky and in Russian literature of the early XX century. *Dostoevsky and the XX century*. Moscow, 2007. Vol. 1. P. 536–559. (In Russ.)
36. Johnson L. A. The experience of time in *Crime and punishment*. Columbus, Ohio, 1985. 146 p.